

когда мы всё закончили и убрали. Была уже ночь, и я ушла к себе на чердак.

Я не видела маски, но слышала, что она плохо вышла.

На другой день похороны были назначены на 6 часов вечера. Поставили гроб на телегу, запряженную одной лошастью. Все мы и масса народу из всех домов отдыха и вся деревня пошли огромной толпой на верх горы, где сам Максимилиан Александрович выбрал себе место для могилы. Лошадь не могла донести до самого верха горы, и тогда мужчины подняли гроб и понесли его и поставили у вырытой могилы.

Солнце садилось и освещало лицо Максимилиана Александровича в гробу, и Марусю, и всех, кто стоял кругом, и всю огромную толпу, и чудесный вид оттуда. Все ждали, кто и что скажет или что будет. А прочли всего два стихотворения, одно Максимилиана Александровича Волошина "Коктебель", а второе Баратынского - и больше ничего. ... Я стояла рядом с Марусей, пока засыпали могилу, а потом отошла, и было так тяжело и грустно, что я, горько плача, побежала с горы вниз...

Николай Чуковский **ИЗ КНИГИ "ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ"**

... Я снова приехал в Коктебель через восемь лет после первого моего посещения - в июле 1932 года. Ехал я на этот раз один, без жены, и не в гости к Максиму, а по путевке в дом отдыха Литфонда. К тому времени дом Макса был уже домом Литфонда - за Волошиным оставался только второй этаж, где помещалась мастерская Макса. Все это произошло по воле самих Волошиных. Соседний дом, дача Юнга, тоже принадлежал теперь Литфонду. Обоими этими домами распоряжалось Московское отделение Литфонда. У Литфонда был еще и третий дом в Коктебеле - бывшая дача Манасеиной. Этой дачей распоряжалось Ленинградское отделение Литфонда, и я как ленинградец поселен был в ней.

Когда я проезжал через Москву, кто-то, кажется, Иван Катаев⁹⁷³, попросил меня передать Максиму, что его стихи идут в одном из ближайших номеров "Нового мира"⁹⁷⁴. Таким образом, я вез в Коктебель радостную для Макса весть. За последние годы Макс писал мало, и речь шла о тех самых стихах, которые я слышал в начале двадцатых годов. Они все еще не были напечатаны. Постоянная жизнь в Коктебеле, вдали от литературных центров, мешала стареющему Максиму завязать связи с крепнувшей молодой советской литературой. За восемь лет, с 1924 года по 1932-й, интеллигенция прошла огромный путь развития, а Макс, у которого, безусловно, были все данные, чтобы принять в этом развитии участие, остался в стороне, законсервированный среди коктебельских гор и пляжей.

Приехав в Коктебель, я сразу понял, что он тяжело болен. За несколько дней до моего приезда у него был удар. Я поспешил к нему.

Макс, необычайно толстый, расплывшийся, сидел в соломенном кресле. Дышал он громко. Он заговорил со мной, но слов его я не понял - после удара он стал говорить невнятно. Одна только Марья Степановна понимала его и в течение всей нашей беседы служила нам как бы переводчиком.

При всем том он был в полном сознании. Когда я сказал ему, что стихи его пойдут в "Новом мире", лицо его порозовело от радости. Снова и снова почти нечленораздельными звуками просил он меня повторять привезенную мною новость.

Через несколько дней у него был второй удар, и он умер⁹⁷⁵.

Он лежал в саду перед своим домом в раскрытом гробу Гроб казался почти квадратным

⁹⁷³ Катаев Иван Иванович (1902-1939) - писатель.

⁹⁷⁴ 633 В журнале "Новый мир" в 30-е годы стихи Волошина так и не появились.

⁹⁷⁵ 634 Волошин умер 11 августа 1932 года.

- так широк и толст был Макс. Лицо у него было спокойное и доброе, - седая борода прикрывала грудь. Мы узнали, что он завещал похоронить себя на высоком холме над морем, откуда открывался вид на всю коктебельскую долину⁹⁷⁶. Гроб поставили на телегу, и маленькая процессия потянулась через накаленную солнцем степь. До подножия холма было километра три, но мы сделали гораздо больший путь, так как обогнули холм кругом - с той стороны подъем на холм был легче. И все же лошадь на холм подняться не могла, и метров двести вверх нам пришлось нести гроб на руках.

Это оказалось очень трудным делом. Макс в гробу был удивительно тяжел, а мужчин среди провожающих оказалось только пятеро - Габричевский, чтец Артоболевский, писатель Георгий Петрович Штурм и я. Кто был пятый, я забыл. Солнце жгло немилосердно, и, добравшись до вершины, мы были еле живы от усталости.

Отсюда мы увидели голубовато-лиловые горы и мысы, окаймленные белой пеной прибоя, и всю просторную, налитую воздухом впадину коктебельской долины, и далекий дом Волошиных с деревянной башенкой, и даже дельфинов, движущихся цепочкой через бухту. Знойный воздух звенел от треска цикад в сухой траве. Могильщики уже вырыли яму, гроб закрыли крышкой и опустили в светло-рыжую сухую глину. Чтец Артоболевский, высокий, худой, в черном городском пиджачном костюме, прочел над могилой стихотворенье Баратынского "На смерть Гёте":

Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, зане совершил
В пределе земном всё земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалея,
Что гения череп - наследье червей...
И мы поплелись вниз с холма.

... И плывет дом Макса через время, как кораблик, - с ветхой деревянной "вышкой", с ветшающими лестницами, балконами, перилами. Кругом кипит уже совсем другая жизнь - строятся новые дома, растут новые люди, открываются новые санатории и дома отдыха, бегут автомобили по новому шоссе, соединяющему Феодосию с Ялтой. И литература давно уже новая. И в нижнем этаже, принадлежащем Литфонду, сменяются все новые и новые жильцы. А мастерская Макса все такая же - блестят корешки книг, стоит гипсовая голова египетской богини Таиах, пахнет пылью, старым деревом, разохшимся на солнце. А за окнами мастерской - то, что гораздо неизменнее, чем она сама: море. ...

КОММЕНТАРИИ

При обращении к собранным в этой книге воспоминаниям возникает необходимость в дополнительных уточнениях и развернутых пояснениях к ним. Вот почему специальный раздел книги отводится комментариям. Подготавливая их, составители учитывали, однако, и такой немаловажный, на их взгляд, момент: при чтении воспоминаний не должна нарушаться целостность их восприятия. С этой целью вводятся подстрочные сноски, в которых даются необходимые уточнения: краткие сведения о лицах, упоминаемых мемуаристами, о географических названиях, объяснения отдельных реалий, переводы иностранных слов и текстов.

⁹⁷⁶ 635 И. Ф. Любицкий⁹⁷⁶⁹⁷⁶ Любицкий Иван Федорович - литератор.

свидетельствовал: "Местные жители - татары говорят: "На верху Карадага есть могила магометанского святого, а на этой вершина - могила Волошина - русского святого" (Любицкий И. Ф. Кое-что из воспоминаний старика. Л., 1940. - ГПБ, ф. 447, ед. хр. 4).